91985

7 0 5

ТУ-19-241-82

1

5

студия
ДИАФИЛЬМ

08—3—III

В. Астафьев

ВАСЮТКИНО ОЗЕРО

Художник В. Дугин

Рыбаки из бригады Григория Щадрина—Васюткиного отца—ловили рыбу в низовьях Енисея. Уловы были малы. «Нету нам нынче фарту,—ворчал дедушка Афанасий.—Оскудел батюшко Енисей».

По вечерам рыбаки собирались в избушке на пустынном берегу, ужинали, рассказывали были и небылицы, щёлкали кедровые орешки. Орехами их снабжал Васютка.

Вот и сегодня с утра собрался он в лес за кедровыми шишками. «Ты от затесей далеко не отходи — сгинешь, — крикнула ему мать. — Хлеба взял ли с собой? На вот краюшку». 4

Тут уж с матерью не поспоришь... Таков старинный таёжный порядок: идёшь в лес — бери еду, бери спички.

Весело насвистывая, шёл он по тайге, следил за за́тесями — пометками на деревьях — и думал, что, наверное, каждая таёжная дорога начинается с таких вот затесей.

Наконец намётанным глазом облюбовал дерево. В густой хвое его упрятались целые выводки смолистых шишек. Васютка принялся колотить ногами по веткам кедра. Шишки так и посыпались вниз.

Мальчик слез с дерева и только начал собирать шишки в мешок,

как вдруг впереди что-то сильно захлопало. Васютка вздрогнул от неожиданности. «Глухарь»,— догадался он и вскинул отцовское ружье-одностволку. Но глухарь перелетел через мшистую поляну и вильнул между деревьями.

Преследуя глухаря, мальчик расцарапал лицо, порвал телогрейку, но ничего это не замечал. Перед ним — глухарь! Уняв дрожь в руках, он, наконец, выстрелил.

«Килограммов пять будет, а то и полпуда!—прикинул счастливый Васютка, засовывая своего первого в жизни глухаря в мешок.—Побегу, а то мамка наподдаст по загривку». 11

И вдруг он спохватился: где же затеси? Васютка посмотрел кругом. Лес стоял неподвижно тихий в своей унылой задумчивости... Он был такой же как и утром, и всё же от него веяло чем-то чужим...

Мальчик круто повернул назад. Шёл быстро, внимательно присматриваясь к каждому дереву,—затесей не было. Сердце у Васютки сжалось, на лбу выступила испарина.

Он долго пытался найти дорогу и наконец понял: заблудился! По рассказам охотников, Васютка знал, что́ значит — потерять дорогу в тайге, и мысль, что он заблудился, потрясла его.

Таинственный шорох в глубине леса вывел мальчика из оцепенения. Он бросился бежать. Спотыкался, падал, вставал и снова бежал. С треском пробирался сквозь бурелом.

Потом упал вниз лицом в сырой мох и замер. Отчаяние охватило его, и сразу не стало сил. «Будь, что будет»,— отрешённо подумал он.

В лес бесшумно, как сова, прилетела ночь. А с ней—холод. Васютка почувствовал, как стынет взмокшая от пота одежда. «Тайга, наша кормилица, хлипких не любит»,—вспоминались ему слова деда. И он стал припоминать всё, чему его учили. «Перво-наперво надо развести огонь»...

Он обломал нижние сухие ветки, сорвал пучок мха-бородача. Мелко искрошил всё и поджёг. Огонёк, покачиваясь, пополз вверх.

Запасаясь на ночь дровами, Васютка вытащил из мешка краюшку хлеба и вздохнул: «Плачет, поди, мамка». Ему тоже захотелось плакать, но он переборол себя.

Ощипал и перочинным ножом выпотрошил глухаря, испёк его в ямке под горячими углями. Глухарь упрел в собственном соку, но без соли какой же вкус!

Поев, мальчик перенёс в сторону костёр, убрал угольки, набросал на тёплую землю хвойных веток и лёг, накрывшись телогрейкой.

Страшно ночью в лесу одному... Всё что-то чудится, кто-то крадётся, шуршит, вздыхает... Лишь к концу ночи удалось Васютке заснуть.

Когда он проснулся, солнце было уже высоко. С сучка высокой ели на него смотрела белка... «Чего смотришь? Не узнала,—улыбнулся Васютка.—А я вот заблудился. Понёсся сдуру за глухарём... Теперь меня по всему лесу ищут, мамка ревёт...»

Мальчик попытался выстрелами дать о себе знать. Пальнул в воздух раз, другой... Долго ждал ответа. Тайга не откликалась. Стрелять ещё Васютка не решался. Патронов оставалось мало.

Он влез на дерево. Тайга простиралась без конца и края, молчаливая, равнодушная. Мальчик искал глазами жёлтую полоску лиственного леса—он обычно тянется по берегам реки... Но её не было.

Васютка закричал с тоской и отчаянием: «Э-эй, мамка! Папка! Дедушка! Заблудился я!..» Голос его пролетел немного над тайгой и упал невесомо кедровой шишкой в мох.

Третий день бродит по тайге Васютка. Он держит на север, надеясь выйти в тундру: вырваться из лесу, который загораживает свет и давит своей угрюмостью. Хорошо, что хоть осенние дожди ещё не зарядили.

Что это? Меж хвойных деревьев стали попадаться берёзки, осинки, мелкий кустарник... Значит вода близко. Енисей!

Несколько прыжков через чащу, крапиву, кусты—и вот он на берегу! Нет, это не Енисей. Перед Васюткой небольшое унылое озеро, подёрнутое у берега ряской... Мальчик заплакал навзрыд.

Опускался вечер. Над озером пронёсся табунок уток-свиязей. Решив заночевать у озера, Васютка подстрелил пару уток и достал их палкой. Третья утка упала подальше. «Ладно, завтра достану»,—махнул он рукой.

Ночью вызвездило. «Это к холоду»,—вспомнил Васютка дедушкину примету. Чтобы отогнать худые мысли, стал думать о доме, о школе.

В школе сейчас к первому сентября готовятся. Плакат, поди, повесили «Добро пожаловать!» Съезжаются ребята со всей округи—тут и эвенки, и ненцы, и иганасаны... Все сыты, хлеб едят...

Проснулся Васютка от холода и не увидел ни озера, ни неба, ни кустов. Кругом был клейкий, неподвижный туман. 33

Когда туман стал рассеиваться, подбитой вчера утки на озере не оказалось, и мальчик пошёл вдоль берега. К его удивлению, озеро, возле которого он ночевал, было лишь маленьким заливом большого, широкого озера.

На гладкой поверхности то и дело расплывались круги. Васютка взглянул в воду и замер: плотно, одна к другой покачивались рыбы: сиги, пеляди, чиры — белая речная рыба...

И тут он заметил убитую вчера уточку: пушистый комочек медленно плыл по воде. «Раз ветра не было, а утку отнесло, значит есть тягун—значит озеро проточное, значит есть и речка: недаром рыба в озере-то речная!»

Пробежав по бережку с километр, Васютка заметил жёлтую бороздку лиственного леса, а вскоре появились и высокие берега. Вот она—речка!

Конечно, речка могла впадать и в другое лесное озеро, но Васютка не хотел об этом думать. Нет, речка должна привести его к Енисею, иначе... иначе, он пропал. И, напрягая последние силы, он побрёл вниз по течению.

Неожиданно лес расступился, открыв перед мальчиком необъятную ширь Енисея. Но когда миновали первые минуты радости, Васютка понял, что место ему незнакомое, пустынное и, в какую сторону идти, он не знает.

Последней спичкой мальчик развёл костёр и всю ночь прислушивался, не загудит ли пароход, не появится ли лодка. Под утро он услышал тарахтенье мотора и начал палить из ружья.

Васютку подобрал колхозный рыбосборочный бот «Игарец». Это было в шестидесяти километрах вниз по Енисею от бригадной избушки Шадрина. Мальчика накормили, укутали, уложили спать, а он, засыпая, всё бормотал о каком-то озере, где рыбы тьма-тьмущая и куда можно доплыть по речке на лодках...

Через два дня Васютка, как заправский провожатый, шагал по берегу реки вверх, а бригада рыбаков на лодках поднималась следом.

Когда впереди открылось широкое, затерявшееся среди глухой тайги озеро, кто-то из рыбаков сказал: «Вот и озеро Васюткино!»

Рыбы в озере оказалось действительно очень много. Бригада Григория Шадрина, а затем и другая колхозная бригада переключилась на озёрный лов.

А на районной карте появилось ещё одно голубое пятнышко: «Васюткино озеро». На большой карте нашей страны вам этого озера не найти, но оно где-то здесь, в низовьях Енисея.

КОНЕЦ

Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Художественный редактор В. СИНЮКОВА

101000, Москва, Центр, Старосадский пер., 7

Цветной 0-30
Д-187-81